

Дверь машины была открыта. Лян Сычжэ наклонился внутрь и опустил спинку пассажирского сиденья, чтобы Цао Е было удобнее, а затем наклонился ещё ниже и пристегнул его ремнём безопасности.

Как только ремень щёлкнул, Цао Е сразу же потянулся к нему. Слегка нахмутив брови и прищурившись, он посмотрел на Лян Сычжэ и пробормотал с явным дискомфортом:

— Не дави, меня тошнит.

— Скоро будем дома, не двигайся. — Лян Сычжэ мягко взял его за запястье, чтобы тот перестал возиться с ремнём. Он посмотрел на Цао Е. Тусклый свет подземной парковки проникал через лобовое стекло, освещая мягкие черты его лица, высокий нос. Годы добавили ему мужественности, превратив юношу в статного молодого человека, но в некоторых деталях всё ещё угадывалась детская наивность.

«Если не можешь пить, зачем тогда столько выпил?» — вздохнул Лян Сычжэ, глядя на него. Неужели радость друзей из съёмочной группы так важна? Но, похоже, Цао Е всегда был таким: десять лет назад он уступил ему сценарий, чтобы сделать приятное, а десять лет спустя, ради друзей из съёмочной группы, с которыми был не так уж и близок, он соглашался на каждый тост. Внешне он казался легкомысленным, но на самом деле был невероятно добрым. Но если другие счастливы, счастлив ли ты сам?

Лян Сычжэ поднял руку, которой только что пристёгивал ремень, и погладил Цао Е по волосам. Они были такими же мягкими, как и раньше.

— Не трогай мою голову, — недовольно пробормотал Цао Е, не открывая глаз.

— Почему? — спросил Лян Сычжэ, глядя на него.

— Если ты будешь трогать меня за голову, я... — Цао Е замолчал на полуслове, вероятно, осознав, что в его возрасте он уже не вырастет.

Лян Сычжэ улыбнулся, глядя на него, и, не обращая внимания на недовольство Цао Е, ещё пару раз погладил его по волосам, прежде чем убрать руку и закрыть дверь. Затем он обошёл машину и сел за руль.

Когда машина завелась, аудиосистема автоматически подключилась к телефону Цао Е и заиграла джазовая версия саундтрека к фильму «Роковой выбор».

После автоматической коробки передач, машина Цао Е действительно оказалась непростой в управлении. Нужно было постоянно помнить о переключении передач. К счастью, в это время дороги были относительно свободными, иначе вождение этой машины стало бы настоящим испытанием. Лян Сычжэ, переключая передачи, подумал, что только такой любитель острых ощущений, как Цао Е, мог купить такую машину, чтобы специально себя терзать.

Пока он об этом размышлял, Цао Е, откинувшись на пассажирском сиденье, произнёс заплетающимся языком:

— Угадай, почему Лянь Е в конце концов согласился написать музыку к этому фильму?

Лян Сычжэ убавил звук и посмотрел на него:

— Разве не потому, что ты продал ему себя?

— Продал себя? — Цао Е, закрыв глаза, усмехнулся. — Неужели я стою всего лишь нескольких песен?

— Тогда не знаю, — ответил Лян Сычжэ. Все говорили, что Лянь Е трудно уговорить, но Цао Е каким-то образом это удалось. Неужели... Как только в голове Лян Сычжэ возникло предположение, Цао Е подтвердил его догадку.

— Из-за имени Цао Сююаня. Смешно, правда? Я столько раз к нему ездил, говорил

всевозможные приятные слова, соглашался на любые условия, но он всё равно отказывался. А потом кто-то ему сказал, что Цао Сююань мой отец. Когда я пришёл к нему в пятый раз, я даже не успел ничего сказать, как он уже согласился.

— Ты не говорил мне раньше... — Цао Е медленно передразнил Лян Е. — Я много лет знаком с твоим отцом, я его преданный поклонник. Его сын предложил мне сотрудничество, как я могу ему отказать?.. Лян Сычжэ, ты угадал. Он согласился написать музыку не из-за моих многочисленных визитов и не из-за меня лично, а только потому, что Цао Сююань — мой отец.

Когда люди выпьют, они обычно становятся болтливыми. Цао Е смутно понимал, что ему не следует продолжать, но он не мог остановиться. Было приятно высказать всё, что он так долго держал в себе.

— В самолёте, возвращаясь из Тайваня, я думал: кто я без Цао Сююаня? Неужели все сотрудничают со мной только потому, что я его сын? Была бы Luomeng без Цао Сююаня? Стали бы опытные специалисты работать с Luomeng? И ты, Лян Сычжэ, согласился бы на эти пересъёмки если бы не Цао Сююань?

— Моё согласие на пересъёмки не имеет никакого отношения к твоему отцу, — сказал Лян Сычжэ серьёзным тоном.

Цао Е усмехнулся, покачал головой и закрыл глаза, не желая продолжать разговор.

— Цао Е, ты и так многого добился, — сказал Лян Сычжэ, не отрывая глаз от дороги. — В твоём возрасте твой отец ещё только начинал, а у тебя уже такая большая компания...

— Я знаю, у меня уже есть большая компания, — перебил его Цао Е, — но без Цао Сююаня я бы, наверное, не смог удержаться в этой сфере. — Он отвернулся и тихо сказал: — Не утешай меня, мне это не нужно. Наверное, я должен быть благодарен Цао Сююаню, без него я никто... Я такой неудачник, что мне пришлось идти по его стопам.

Лян Сычжэ впервые не знал, что сказать. Слова утешения вертелись у него на языке, но он

чувствовал, что Цао Е в них не нуждается. В каком-то смысле они с Цао Е были похожи: когда они погружались в такое состояние, то не воспринимали никаких утешений. Чужие слова были бессмысленны. Они предпочитали самостоятельно зализывать свои раны, пока наконец сами не решались выйти из своего укрытия.

Лян Сычжэ вздохнул. Когда-то беззаботный юноша теперь стал таким задумчивым, и в этом был отчасти виноват он. Что было бы, если бы десять лет назад роль сяо Маня досталась Цао Е?

Внезапно в машине зазвонил телефон. Лян Сычжэ опустил глаза и увидел на экране имя звонившего.

— Цинь Чжэнь-Чжэнь. — Очевидно, это было женское имя.

— Тебе звонят. — Лян Сычжэ повернулся к Цао Е. — Цинь Чжэнь-Чжэнь. Взять трубку?

— Нет, — пробормотал Цао Е. — Сбрось вызов.

— Девушка? — спросил Лян Сычжэ.

— Угу? — промычал Цао Е.

— Нехорошо сбрасывать звонки от девушки. Отключи Bluetooth и поговори с ней.

Цао Е промолчал. Звонок продолжался ещё секунд тридцать, пока, наконец, не раздались гудки, и в машине воцарилась тишина. Некоторое время они молчали, но вскоре телефон зазвонил снова. На этот раз звонивший был настойчив, сделав подряд три или четыре звонка. Цао Е с раздражением открыл глаза и нажал кнопку ответа на экране.

Раздался капризный девичий голос:

— Куда ты пропал? Почему так долго не брал трубку? Ты сейчас с кем-то?

— Да, — ответил Цао Е, закрыв глаза и откинувшись на спинку сиденья.

— С кем? С мужчиной или с женщиной?

— Почему ты каждый раз спрашиваешь одно и то же?..

— Я боюсь, что ты с кем-то другим... Ты опять пил?

Цао Е проигнорировал её вопрос:

— Зачем ты звонишь?

— Мы с однокурсниками играем в «Правда или действие». Мне выпало, чтобы мой парень сказал «я тебя люблю». Я сейчас передам им трубку, скажешь это, хорошо?

— Что за «я тебя люблю»... — Цао Е с трудом соображал несколько секунд. — Я помню, что ты в прошлый раз сказала «всё кончено».

— Ты не понял, я же сказала это со злости. Разве я не могу передумать? — Цинь Чжэнь-Чжэнь казалась расстроенной. — Я же пришла мириться.

— А разве я не могу в это поверить? — сказал, нахмурившись Цао Е. Он вдруг подумал, что отношения — это такая морока. Раньше ему так не казалось, наверное, потому что все его предыдущие девушки были более решительными, и они начинали и заканчивали отношения по обоюдному согласию. Только Цинь Чжэнь-Чжэнь была такой навязчивой. Несколько дней назад она сама предложила расстаться, а теперь просит его подыграть в какой-то игре. Если отношения — это просто игра в расставания и примирения, то это действительно скучно.

— Ну скажи, пожалуйста. Хорошо? Все ждут. Мне будет неловко, если ты не скажешь. — Цинь Чжэнь-Чжэнь снова смягчила тон. Она знала, что Цао Е не выносит, когда на него давят.

— Не скажу, — ответил Цао Е. У него ужасно кружилась голова, и у него не было сил разбираться с Цинь Чжэнь-Чжэнь.

— Ты меня больше не любишь? — с обидой спросила Цинь Чжэнь-Чжэнь.

— Я тебя люблю, — невнятно произнёс Цао Е. — Я сказал, ты веришь? — Он подумал, что эта Цинь Чжэнь-Чжэнь довольно забавная. Они были знакомы всего месяц, виделись несколько раз, о какой любви могла идти речь?..

«Может быть, и есть между ними любовь, — с самоиронией подумал Цао Е, — только любит она сына Цао Сююаня, а не Цао Е».

Люди превозносят любовь, но разве это не ложная концепция? Его никто не любит, и он никого не любит.

— Верю, — ответила Цинь Чжэнь-Чжэнь.

— А я не верю, — сказал Цао Е. — Всё кончено, милая, так тому и быть.

После того, как звонок завершился, в машине некоторое время стояла тишина. Лян Сычжэ, не

отрываясь от дороги, спросил:

— Как долго вы были вместе?

— Не помню, чуть больше месяца, — ответил Цао Е. Хотя он сказал «чуть больше месяца», на самом деле они виделись всего пару раз.

— Расстались через месяц? — Лян Сычжэ усмехнулся. — Что это за мимолётный роман?

Цао Е промолчал. Он чувствовал себя неловко. Этот разговор не стоило вести на громкой связи.

— А почему ты расстался с Линь Хуань? — снова спросил Лян Сычжэ. — Ты же был в неё влюблён много лет?

— У тебя хватило наглости спрашивать? — пробормотал Цао Е.

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Всё ещё злишься на меня из-за этого?

Цао Е долго не отвечал. Лян Сычжэ посмотрел на него. Цао Е откинулся на сиденье, слегка повернув голову к окну. Казалось, он заснул. Ресницы закрывали его нижние веки, как много лет назад, словно маленькие чёрные веера.

Оставшуюся часть пути Лян Сычжэ молчал. В машине была отличная звукоизоляция, пространство было почти герметичным, и можно было услышать ровное дыхание Цао Е.

Остановившись на светофоре, Лян Сычжэ прибавил температуру кондиционера и погладил Цао Е по волосам. Тот не отреагировал, похоже, действительно заснул, иначе он бы не позволил ему так себя вести.

Через двадцать минут они подъехали по адресу, который дал Чэн Дуань. Система безопасности у ворот жилого комплекса автоматически распознала номер машины, и Лян Сычжэ, следуя указателям, заехал на подземную парковку.

Выйдя из машины, он обошёл её, открыл дверь со стороны Цао Е и отстегнул ремень безопасности. Цао Е нахмурился, отвернулся и что-то промычал. Ему было некомфортно. Лян Сычжэ поднял его руку, положил себе на плечо и с большим трудом вытащил из машины. Поспав в машине, Цао Е опьянел ещё сильнее и был почти без сознания, вся тяжесть его тела обрушилась на Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ запер машину и, поддерживая Цао Е, направился к лифту. Прошло столько лет, кости выросли, клетки обновились, но их рост и вес оставались очень похожими. Он уже успел забыть, каково это тащить пьяного домой — с тех пор Лян Сычжэ не переживал ничего подобного.

Лифт вел прямо в квартиру Цао Е. Доступ осуществлялся по распознаванию лица. Лян Сычжэ, поддерживая Цао Е за плечи, поднял руку и коснулся электронного экрана у двери, вызывая интерфейс распознавания. Затем, той рукой, которая обхватывала Цао Е сзади, он попытался приподнять его подбородок, чтобы направить лицо к камере.

Цао Е недовольно отвернулся, пытаясь уклониться от его руки, и снова уткнулся лицом в плечо Лян Сычжэ.

— Смотри в камеру, — сказал Лян Сычжэ и наклонился, чтобы взглянуть на него. — Или говори пароль.

Цао Е не смотрел в камеру и не называл пароль, и Лян Сычжэ снова попытался поднять его подбородок, чтобы заставить посмотреть в камеру.

Цао Е нахмурился и на электронном экране выглядел очень недовольным, что рассмешило Лян Сычжэ. К счастью, система распознавания оказалась достаточно чувствительной, и со звуком «пип» замок открылся. Лян Сычжэ отпустил подбородок Цао Е и, толкнув дверь, завёл его внутрь.

Квартира была просторной, с несколькими спальнями, из-за чего Лян Сычжэ не мог понять, в какой именно комнате живёт Цао Е. Сначала он, поддерживая, усадил Цао Е на диван в гостиной. Цао Е, похоже, любил диван: как только он присел на него, сразу успокоился. Его нахмуренные брови расправились, и он откинулся назад, положив голову на подлокотник.

Лян Сычжэ некоторое время смотрел на него, опираясь на подлокотник, затем встал и пошёл к холодильнику. Он достал упаковку молока, посмотрел на срок годности и выяснил, что он ещё не истёк. С упаковкой молока он направился на кухню и отыскал в шкафу небольшую кастрюлю.

Кастрюля выглядела новой, похоже, что её ни разу не использовали, даже плёнка с крышки не была снята. Как будто её купили просто как украшение. Он помыл кастрюлю, затем налил в неё молоко, поставил на индукционную плиту и включил небольшой огонь, медленно помешивая молоко ложкой, затем налил его в фарфоровую чашку.

Держа фарфоровую чашку, он вышел из кухни и заметил, что Цао Е снова уснул, лежа на диване. Лян Сычжэ подошёл к нему, поставил молоко на кофейный столик, наклонился и слегка похлопал по лицу:

— Цао Е, просыпайся.

— Угу, — пробормотал Цао Е, зарывшись лицом глубже.

Лян Сычжэ приподнял его и помог облокотиться на спинку дивана.

Цао Е нахмурился и сказал:

— Не трогай меня, мне некомфортно.

— Сначала выпей немного молока. — Лян Сычжэ просунул руку между его головой и спинкой дивана, поддерживая шею, и поднёс чашку к губам.

Цао Е недовольно отвернул лицо, уклоняясь от чашки. Он выглядел очень забавно в этом состоянии, как будто снова стал тем самым котом из детства, который вот-вот вскочит и начнёт царапаться, если его разозлить.

— Ты хочешь, чтобы я тебя покормил? — Лян Сычжэ, не удержавшись от соблазна подразнить его, убрал руку с затылка и ущипнул его за щёку. — Тогда скажи «Сычжэ-гэ». Хотя его щёки были уже не такими пухлыми, как раньше, но их всё равно было приятно трогать.

— Лян Сычжэ, ты меня достал! — Цао Е с закрытыми глазами махнул рукой, задев тыльной стороной ладони чашку. Лян Сычжэ не успел среагировать, чашка в его руке наклонилась, и молоко пролилось на лицо и одежду Цао Е на груди. Часть молока даже затекла ему за ворот.

Цао Е наконец открыл глаза и посмотрел на мокрые пятна на своей одежде. Жидкость, стекающая по коже, вызвала у него зуд. Он потёр ключицу, затем посмотрел на свою руку, покрытую молочно-белой жидкостью, и произнёс с отчаянием:

— Что это такое?.. — После чего потёр лицо. — Лян Сычжэ, что ты делаешь?!

Лян Сычжэ было весело, и в то же время он чувствовал беспомощность. Он просто хотел напоить Цао Е молоком, чтобы тот немного протрезвел, но эта сцена выглядела как-то неправильно и наводила на определённые мысли...

— Я не виноват... — сдерживая смех, сказал Лян Сычжэ. — Я принесу тебе полотенце. — Он поставил чашку с остатками молока на стол и, повернувшись к ванной, не смог сдержать смех.

— Я сам... — Цао Е, опираясь на диван, попытался встать, но как только он оторвался от дивана, у него закружилась голова, и он снова плюхнулся обратно.

Автору есть, что сказать: Они не добралась до этого момента, увы QAQ. Но следующая глава тоже не про это. Пока проблемы не решены, они не будут вместе _(з□∠)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130272>